

Григорий ЧУХРАЙ: Как Феллини Хрущева усыпил

В преддверии открытия XXIII Московского международного кинофестиваля «Известия» решили вернуться во времена, когда фестиваль открыл одну из лучших картин мирового кино. О том, почему великого Федерико Феллини и его «Восемь с половиной» в Москве 1963 года ждали в одинаковой мере триумф и провал, рассказывает очевидец событий, председатель жюри Московского кинофестиваля-1963, режиссер Григорий ЧУХРАЙ.

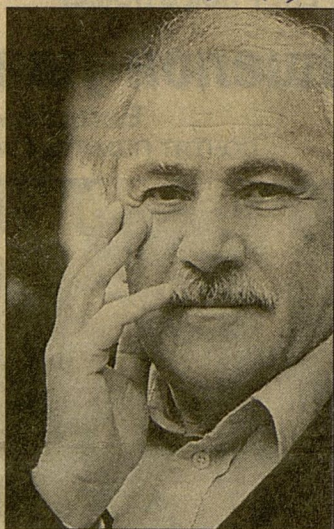
— Федерико Феллини свой фильм прислал по собственной инициативе. Я подчеркиваю его инициативу потому, что престиж МКФ тогда был довольно велик и сопоставим с авторитетом Советского Союза. Я тогда много ездил и видел, что русское было весьма модным. Режиссеры использовали наши приемы в кино, артисты носили косоворотки а-ля рюс и плетеные пояса с кисточкой, во многом чувствовалось, что мы были баловнями Европы, как сегодня иранский или южноазиатский кинематограф.

— Григорий Наумович, почему на вас пал выбор возглавить жюри МКФ?

— Меня знали на Западе. Потом я был советским режиссером, членом партии.

— Правда, что с первых дней в лидеры вышел советский фильм «Знакомьтесь, Балудев», а «Восемь с половиной» были аутсайдером?

— Не совсем так. Когда я посмотрел «Балудева», то понял, что это набор каких-то чиновничьих радостей, не имеющих отношения к искусству. «Восемь с половиной» на протяжении всего кинофестиваля был единственным фильмом, который заслуживал главного приза. Но дело-то все в том, что Никита Сергеевич Хрущев уснул на конкурсном просмотре этого фильма.

— Тогда почему всполошились в ЦК и вас туда вызвали? От кого-то произошла утечка информации?

— Ее не было. Это заблуждение полагать, что в ЦК были дураки. Отнюдь. У них был нюх на все неординарное. Жюри между собой ради объективности пытались не превосходить событий, а бюрократы быстрее других понимали, чем для них обернется триумф идеологически «чужого» итальянца.

(Окончание на 11-й стр.)

Григорий ЧУХРАЙ: Как Феллини Хрущева усыпил

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Как они могли навязать свое мнение международному жюри?

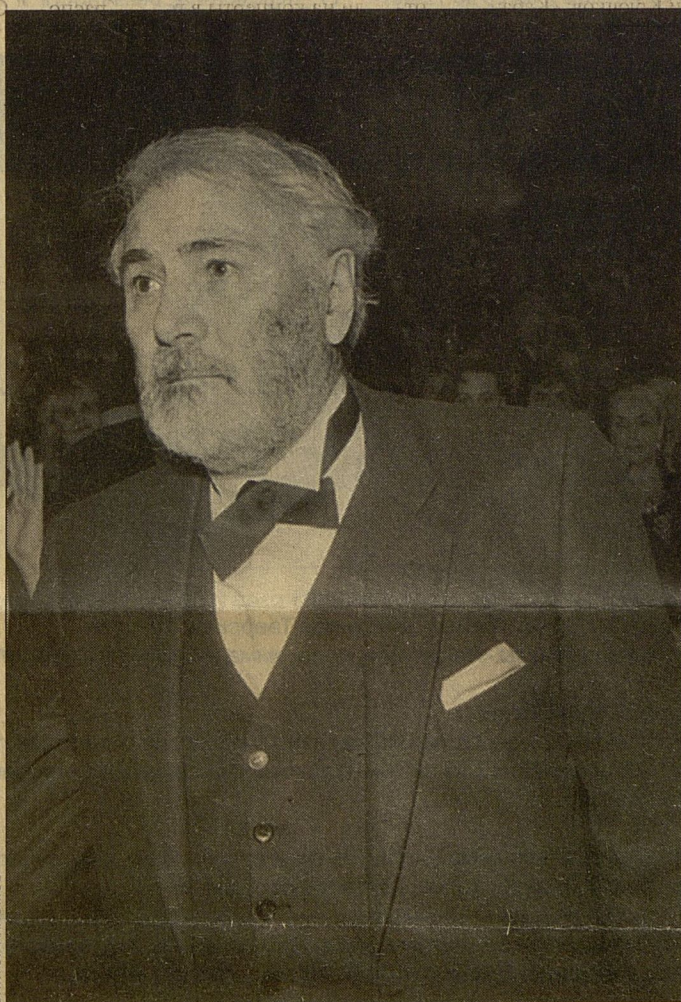
— Они могли навязать свое мнение председателю жюри. Для этого меня и вызвали на Старую площадь. Я явился. В этот день просмотров не было, фестиваль заканчивался. На «ковер» меня вызвал Снастин, он отвечал в ЦК за культуру. С порога строго спрашивает: «Кому вы собираетесь дать главную премию?» Я не стал лукавить и отвечаю, что пока лучшего фильма, чем «Восемь с половиной», на фестивале не было. Я еще не закончил фразу о том, что если жюри согласится с этим мнением, а в ответ услышал: «Положишь партбилет на стол!» Я понимал, что это запрет на профессию. Но ответил, что партийным долгом считаю быть честным и справедливым. А справедливость состоит в том, что пока Феллини лидирует. Поднялся крик. Тогда я стал говорить, что для авторитета МКФ важно не то, чтобы победил отечественный фильм, а то, чтобы победила объективность. Но слушать меня никто не стал. Приказали «пристальное внимание» обратить на все того же «Балудева...».

— Ваши коллеги по конкурсу, конечно, ничего не знали о цензуре?

— На выходе из ЦК меня встретила Маша Марецкая, дочь актрисы Веры Марецкой. На ней не было лица: «В комнате жюри скандал. Серджио Амидей хочет уехать и требует билет». Я поспешил туда. Серджио в еще большем гневе, чем чиновники. Сто жестов в минуту. Спрашиваю: «Что ты кричишь?» Он с пеной у рта: «Я всю жизнь поддерживал советский кинематограф, а вы на конкурс выставили такое дерьмо и за нашей спиной хотите протасовать его в победители». «Без меня», — орет. Спрашиваю: «Тебе какой фильм нравится?» Он: «Восемь с половиной». «Мне тоже», — говорю. «Как?» — он засиял от радости. — Я остаюсь».

— То есть в жюри знали о давлении на вас?

— Представьте себе, еще нет. Просто Амидей возмущался низким уровнем советских конкурсных картин и их, как сегодня говорят, раскруткой, догадываясь, чем это может кончиться. Но понимая, что я занимаю другую позицию, успокоился. Мы без всяких споров дали премию лучшим исполнителям мужских и женских ролей. Когда возник вопрос, кому давать главную премию, Жан Маре первым свой голос отдал Феллини. И тут возникла пауза. Дело в том, что к этому времени члены жюри из стран народной демократии были подготовлены голосовать как надо. Министры культуры Романов обзвонили своих коллег из соцстран с предупреждением, что если победит фильм не из соцстраны, то уже

ВИКТОР АХЛОНОВ

не члены жюри будут иметь неприятности.

— Неужели после этого...

— Нет. «Знакомьтесь, Балудев» нельзя было защищать потому, что он был ниже всякой критики. И эта половина жюри, кое-что понимавшая в кино и жизни, заговорила о том, что фильм Феллини хороший, но не тянет на главный приз. Я не исключаю, что по рекомендациям свыше эта группа выдвинула на рассмотрение в качестве победителя тоже советский фильм с говорящим названием «Порожний рейс». Конфуз был несусветным. Члены жюри из Индии, США, из тех же стран народной демократии принялись меня расспрашивать, зачем главному герою фильма — водителю — надо постоянно сливать бензин в реку? Я попытался объяснить: чтобы получить премию. Поскольку он возил груз не по дороге — в объезд, а по льду — наперерез, рискуя жизнью, то сливал сэкономленный бензин, чтобы его не разоблачили. «Наверное, большая премия?» — спрашивают меня члены жюри. «Нет», — отвечаю. Они не могли понять: премия мизерная, а он сливает дорогой бензин.

Въедливость жюри была нашими инстанциями воспринята так, будто иностранцы «проглотили наживку». На меня опять стали давить через вызовы в ЦК. С криками, угрозами. Последний довод сегодня кажется

смешным, а тогда он мог зачеркнуть жизнь любого. Меня спросили: «Вы коммунист?» Я ответил: «Да». Но уже закрытой двери: партбоссы не могли допустить, чтобы последнее слово оставалось не за ними.

— Как все-таки «Восемь с половиной» получил главный приз?

— Когда я вернулся в комнату жюри, представители стран социализма отказывались голосовать за «Восемь с половиной», не выдвигая своих претендентов после провала «Балудева...» и «Порожнего рейса». Без их голосов не получалось большинства. Помню: поляк сравнил картину Феллини с автомобилем (а остальные — с бричками), но заметил, что он не пользуется авто. Югослав выдвинул против Феллини «убийственный» по тем временам довод: «Это фильм педерастический». Тогда не выдержал Стэнли Крамер: «Я мужчина. Я каждое утро бреюсь. Потом смотрю в зеркало. И чтобы мне не было противно на себя смотреть, я хочу вам пожелать хорошей работы, но я в этом жюри не участвовал». И ушел. Вслед за ним встал Амидей, Маре и даже индус, который как раз не хотел голосовать за Феллини. Я остался почти один и попросил мексиканского члена жюри: «Подготовьте предложение от моего лица, чтобы мы дали Феллини премию за

вклад в кинематограф». Туда же я предложил включить и «Восемь с половиной». И объявил перерыв на час. Через час с лишним я сидел один. Думаю: ну все — провал. Но вернулись все члены жюри.

— То есть главный приз тогда не вручался?

— Мы иначе его называли, что позволило жюри из соцстран проголосовать за «Восемь с половиной». Когда я вручал приз Федерико Феллини, он произнес слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Я получил около 70 международных премий, но эта мне особенно дорога, потому что она получена в социалистической стране». Кстати, американского «Оскара» он получил потом, имея в «багаже» московский скандал.

— Чего вам стоила эта независимость?

— Легко отделался. За границу несколько лет не выпускали. К фестивалю не подпускали. Кстати, звали на него западные страны с тех пор менее охотно. А с Феллини позже мы встречались в Италии, где я снимал. Он был прост, добр, но чуть-чуть подпорчен славой. Знаете, мы все проходим огонь, воду, а вот медные трубы славы мало кто умеет пройти без потерь. Художник часто закичивается на сосредоточенности на себе, поэтому слава ни для кого не бывает безболезненной.

— И для вас?

— Коварство медных труб в том, что ты их не замечаешь. Мне напрямую об этом не говорили, но жене друзья жаловались. Я тогда испорченности славой за собой не замечал, но спустя годы понимаю, что друзья были правы.

— В годы, когда вы возглавляли МКФ, несмотря на цензуру КПСС, кинофестиваль открывал фильмы мирового уровня. Сегодня о его лауреатах забывают не то что через год — иногда на следующий день. Почему?

— Мне кажется, что кинофестивали отражают свое время. А оно, если верить новому русскому кино, строится преимущественно по голливудским лекалам: вначале пистолет, в середине постельная сцена, потом уйма трупов, которых почему-то не жалко, и в финале — чемодан с долларами. Однако время другое, а кино слепо подражает Голливуду. Как я понимаю, на это есть спрос, в том числе чиновничий. Эта армия живуча как никакая другая: теперь она оказывает коммерческое давление. Чем дальше, тем больше считаю чиновничество виновником всех человеческих бед, начиная от Понтия Пилата, который дал добро на распятие Христа, и до современных его «братьев». Они как тараканы: вывести их невозможно, а жить с ними сложнее, чем снимать кино.

Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО

16 июня 2001

Чухрай Григорий